

О.Ю. Зимина, И.Ю. Чикунова

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: o_winter@mail.ru;
chikki@mail.ru

ОПЫТ ГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЛИЩА КАШИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Представлена реконструкция постройки, исследованной на поселении Якушкино 3 кашинской культуры раннего железного века в подтаежной зоне Притоболья (Западная Сибирь). Рассмотренные постройки являются единственными однослойными среди всех известных построек, атрибутированных как кашинские. Они предварительно отнесены к начальному этапу кашинской культуры — IV–III вв. до н.э. Анализ остатков сооружения позволил предположить, что оно имело каркасно-столбовую конструкцию, состояло из четырех камер различного хозяйственно-бытового назначения, имело выход в соседнее сооружение, в связи с отсутствием очага могло использоваться в теплое время года. В целом сооружение соответствует домостроительным традициям культур раннего железного века Зауралья и в то же время отражает особенности кашинского домостроительства.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Зауралье, ранний железный век, кашинская культура, поселение, Якушкино 3, домостроительство.

Введение

В 2016 г. в Ярковском районе Тюменской области было открыто поселение Якушкино 3. Результаты раскопок 2016–2017 гг. показали, что памятник относится к кашинской археологической культуре.

Кашинский тип керамики впервые был описан В.Д. Викторой по материалам группы памятников (Решетниковское, Юдинское, Давыдовское, Кашинское, Большедубское, Коняшино) в среднем течении р. Туры. Керамический комплекс кашинской культуры характеризуется сосудами с округлым или приостренным дном, прямой, чаще отогнутой наружу шейкой, украшенными при помощи крупнозубого гребенчатого штампа, реже — резными линиями. Также было отмечено, что за пределами туринаского района «памятники с керамикой чисто кашинского типа» не известны [Викторова, 1969, с. 88–92]. Дальнейшие исследования позволили выявить обширный ареал кашинских памятников, а «устойчивое сохранение в течение почти тысячелетия своеобразной орнаментальной традиции, особенности погребального обряда» дали основание Н.П. Матвеевой рассматривать эту общность в качестве кашинской археологической культуры [1990]. Следует отметить, что кашинские комплексы выделены преимущественно в составе многослойных памятников (селища Кашинское, Юдинское, Дуванское II, городища Юдинское, Прыговское, Старый Погост, Рафайловское, Коловское, Павлиново, Янычково, поселения Белый Яр XII, Ипкуль XV, могильник Абатский 3), на достаточно обширной территории Зауралья — в Тоболо-Ишимской лесостепи и южно-таежной зоне [Матвеева, 1994, с. 129–130]. Хронологические позиции кашинских комплексов определяются от IV–III вв. до н.э. до IV–V вв. н.э. [Матвеева, 1994, с. 140; Ковригин, Шарапова, 1998, с. 68; Чикунова, 2006, с. 88–89; и др.].

В составе кашинских традиций исследователи выделяют местный компонент (иткульско-исетские и баитовские группы) и пришлые саргатские традиции [Викторова, Кернер, 1988, с. 139]. Н.П. Матвеева под местной основой подразумевает баитовскую культуру, другим компонентом видит группу лесного приуральского населения, мигрировавшую к востоку, находя близкие кашинским аналогии в орнаментальных мотивах ананьинской культуры [1994, с. 141]. Л.Н. Корякова склоняется к мысли о иткульско-саргатском синтезе в формировании кашинских комплексов [1991, с. 40]. Отмечается частая встречаемость и большое сходство керамики кашинского типа с посудой прыговского типа [Викторова, 1969; Ковригин, Шарапова, 1998, с. 69; Шарапова, 2004, с. 126]. Для керамики прыговского типа характерен шнуровой орнамент [Викторова, 1969, с. 161–164]. Это позволило Н.П. Матвеевой рассматривать кашинскую керамическую традицию как двухкомпонентную, включающую сосуды с гребенчатым и шнуровым орнаментом,

и рассматривать посуду с шнуровым орнаментом в качестве позднего варианта кашинской [Матвеева, 1994, с. 140].

Кашинская культура в целом и домостроительство ее носителей в частности в литературе отражены довольно слабо. Прежде всего следует отметить отсутствие «чистых» кашинских поселений. Материалы кашинской культуры всегда встречаются в комплексах с другими культурными типами раннего железного века Зауралья — саргатским, гороховским, иткульским, баитовским, прыговским. Постройки, остатки которых раскопаны на Прыговском, Павлиновом, Юдинском, Рафайловском городищах и Кашинском и Юдинском селищах [Генинг, Позднякова, 1964; Викторова, Кернер, 1988; Матвеева, 1993; Пантелеева, 2002], на полу и в заполнении которых были найдены фрагменты и развалы сосудов кашинской культуры вместе с баитовской, саргатской, гороховской керамикой, представлены одно- и многокамерными полуземлянками каркасно-столбовой или срубной конструкции.

Целью данного исследования являлись изучение особенностей домостроительной традиции кашинской культуры на примере постройки поселения Якушкино 3 и ее графическая визуализация; выявление определенных признаков сооружения, свидетельствующих о характере поселения — сезонном или постоянном использовании — и указывающих на адаптационные стратегии населения. Краткий обзор домостроительства населения кашинской культуры дает представление о его вариативности и перспективах дальнейшего изучения.

Объект исследования

Поселение Якушкино 3 расположено в смешанном сосново-березовом лесу на краю террасы северного берега старицы р. Туры — оз. Якушкино, в 2,7 км к СВ от д. Мотуши. Поселение состоит из 20 западин, расположенных компактно, но без определенной системы на площади 70×90 м. Остатки сооружений представляют собой разного размера западины, в том числе парные и тройные. Размеры западин от 2×3,5 до 7,5×10 м, глубина 0,2–0,6 м.

Раскоп 2016–2017 гг. охватил два сооружения в северо-западной части поселения, обозначенных на плане № 7 и 8. Остатки сооружения № 7 представляли в рельефе западину овальной формы размерами примерно 4,5×6 м, ориентированную по линии ЮЗ–СВ; № 8 — западину овальной формы размерами 7,5×10,5 м, глубиной 0,65 м, ориентированную по линии З–В; № 8а — небольшое овальное углубление размером 2×3,5 м, глубиной 0,25 м, ориентированное по линии С–Ю. Площадь раскопа составила 150 м² (рис. 1).

Стратиграфия раскопа достаточно проста (рис. 2, 2). Общая мощность культурного слоя небольшая — 0,3–0,5 м, в ямах до 0,7 м, в котловане до 0,7–0,9 м. Культурный слой представлен супесями нескольких оттенков. Основные отложения культурного слоя составляла светло-коричневая супесь мощностью до 0,3–0,5 м. Она фиксируется на всех разрезах, и на ее фоне выделялось заполнение котлованов сооружения, представленное коричнево-серой супесью с включениями: темно-серой и серой, часто с мелкими угольками, супеси (заполнение ям), небольших линз серой супеси диаметром от 0,2–0,3 до 0,5 м и коричневой размерами 0,3–0,6 — 1,2 м. Рыже-коричневая (прокаленная?) супесь отмечалась на двух участках: в центре котлована сооружения № 8 (кв. Г–Д/11–12), размерами 1,05×1,3 м, мощностью 0,25 м, и в кв. А/8, размером 0,3×0,4 м, мощностью 0,05–0,08 м. Материк представлен белым песком с желтыми затеками. Он выявлен на уровне 0,3–0,5 м, в ямах и котловане — в 0,7–0,9 м от поверхности.

В результате работ на площади раскопа исследованы остатки двух сооружений, соединенных переходом.

Сооружение № 7 представляло собой небольшую постройку, котлован имел подквадратные очертания, размер 3×3,75 м, углублен в материк на 0,3–0,4 м, площадь постройки составила 11 м². Предположительно постройка имела хозяйственное назначение. В северо-восточном углу находился переход в сооружение № 8 (рис. 2, 1).

Остатки сооружения № 8 представлены котлованом размерами 4,75×6,8 м, площадью 32,3 м², углубленным в материк на 0,27–0,42 м, и двумя небольшими «нишами» у западной и северной стенок, размерами 2,5×2,5 м, площадью 6,25 м² и 1,8×2,1 м (3,78 м²) соответственно. Общая площадь сооружения составила около 48 м². Внутри котлована исследованы 40 ям, предположительно столбовых и хозяйственного назначения, в некоторых ямах обнаружены обломки битой посуды. В одной из ям в северном углу котлована (№ 26, кв. В–Д/14) — развал сосуда (рис. 2, 1).

На месте небольшого углубления, обозначенного на плане № 8а, в процессе раскопок выявлены общий выход из сооружений № 7 (раскопки 2016 г.) и № 8 и две глубокие ямы, исследованные частично из-за больших деревьев.

Опыт графической реконструкции жилища кашинской культуры раннего железного века

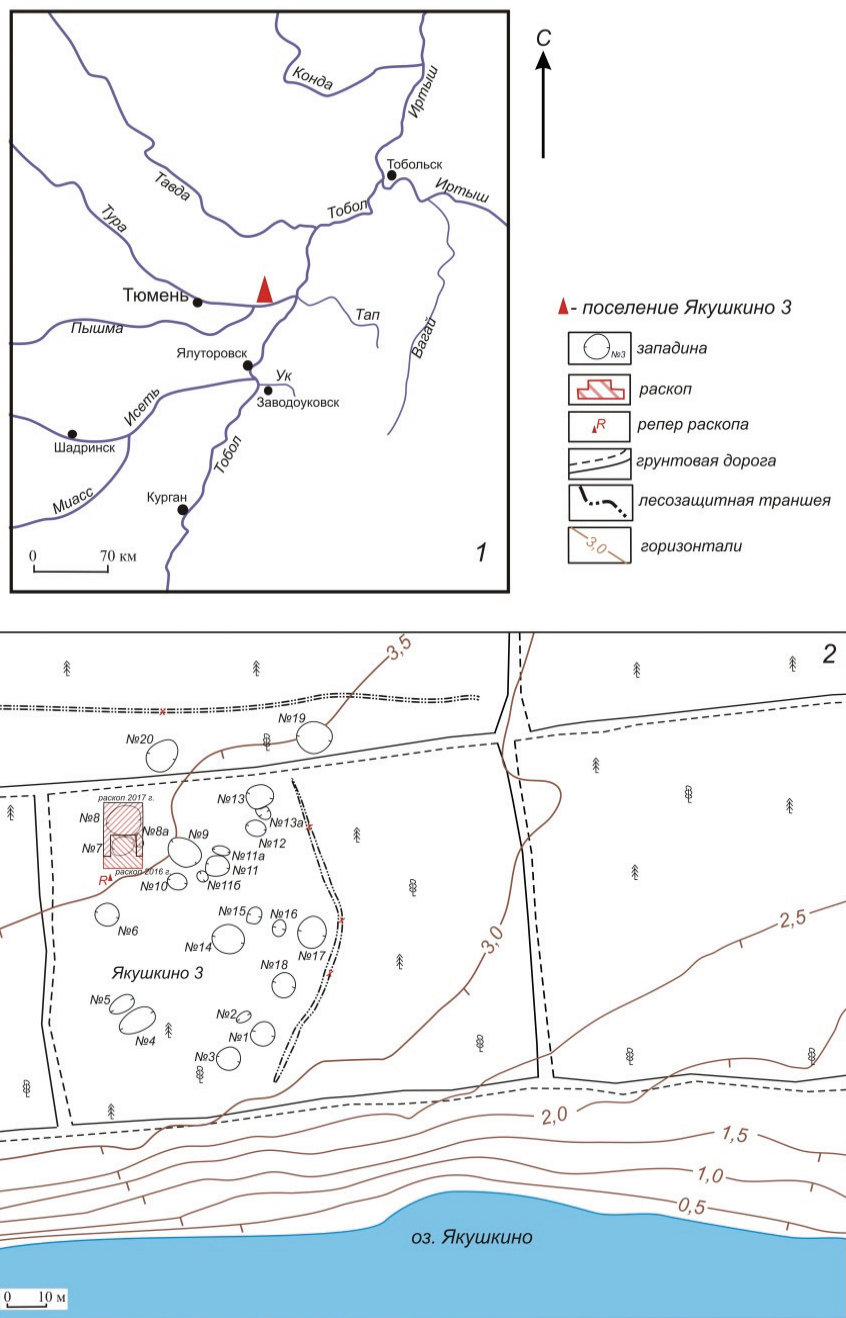

Рис. 1. Карта-схема расположения (1) и план (2) поселения Якушкино 3.
Fig. 1. Map-layout (1) and plan (2) of the settlement Yakushkino 3.

Раскопки производились условными горизонтами мощностью 10–15 см. Контуры постройки начали появляться на уровне третьего условного горизонта (нивелировочные отметки -50 см от условного нуля). Сооружение имело прямоугольные очертания, было сложено серой или коричнево-серой супесью. На уровне четвертого условного горизонта во всех секторах раскопа выявились очертания котлована сооружения № 8, представленного коричнево-серой супесью, общими размерами 5,45×6,35 м. Основным заполнением котлована служила коричнево-серая супесь. На ее фоне в придонной части у стенок котлована зафиксированы овальные и округлые линзы серой и темно-серой супеси, иногда с включениями мелких угольков (рис. 2, 1).

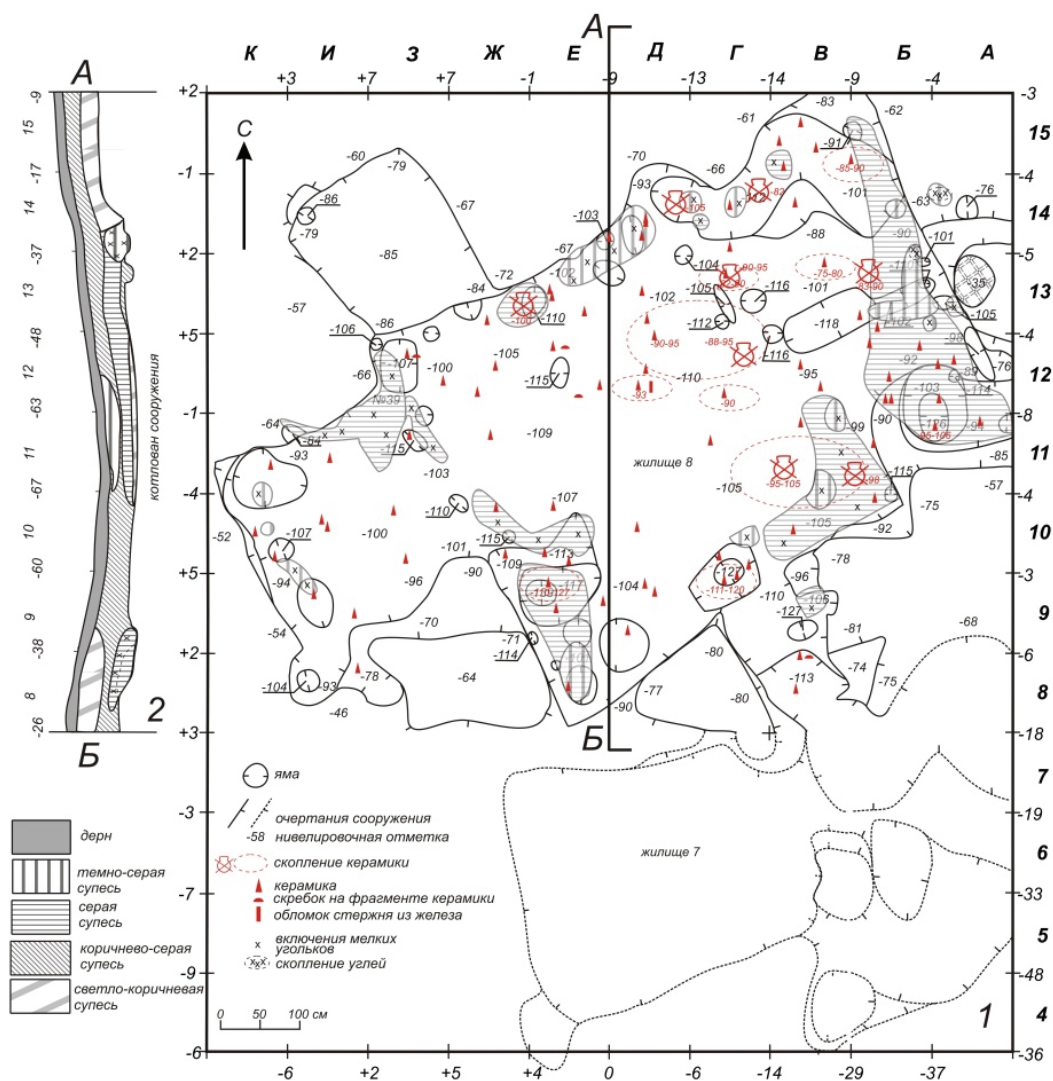

Рис. 2. План по матерiku (1) и стратиграфия (2) сооружения № 8 на поселении Якушкино 3.

Fig. 2. The plan for the mainland (1) and stratigraphy (2) of dwelling № 8 in the settlement of Yakushkino 3.

В заполнении котлована сооружения № 8 керамика встречена в западной нише и вдоль стенок котлована, в некоторых случаях фрагменты посуды представлены небольшими скоплениями. Скопления сконцентрированы в северо-восточном углу котлована (рис. 2, 1).

Методика

При восстановлении внешнего облика сооружения № 8 применялся метод условных реконструкций [Васильев, 2000]. Первоначально на основе анализа планиграфии и стратиграфии раскопа были выявлены основные объекты (границы котлована, ямки, канавки и т.д.), относящиеся к конструкции. На втором этапе определялись особенности планировки по характерному расположению элементов конструкции, техники, применявшиеся при возведении стен и кровли, рассматривались возможности использования тех или иных строительных материалов, варианты «оформления» интерьера (рис. 3). На завершающем этапе было создано графическое изображение сооружения (рис. 4).

В работе использована устоявшаяся в литературе терминология, широко применяемая при описании характерных особенностей, назначения, деталей конструкции сооружений, в том числе древних построек, исследованных в Западной Сибири (жилище и его вертикальная и горизонтальная структура — степень углубленности и количество помещений; срок использования — сезонное и пр.; несущая система конструкции — каркасная и пр.) [Очерки..., 1994, с. 63–78].

Опыт графической реконструкции жилища кашинской культуры раннего железного века

Результаты

Жилище № 8 углублено в материк примерно на 30 см. Ориентировано выходом на юго-восток, к старице. Состоит из четырех помещений общей площадью 48 м².

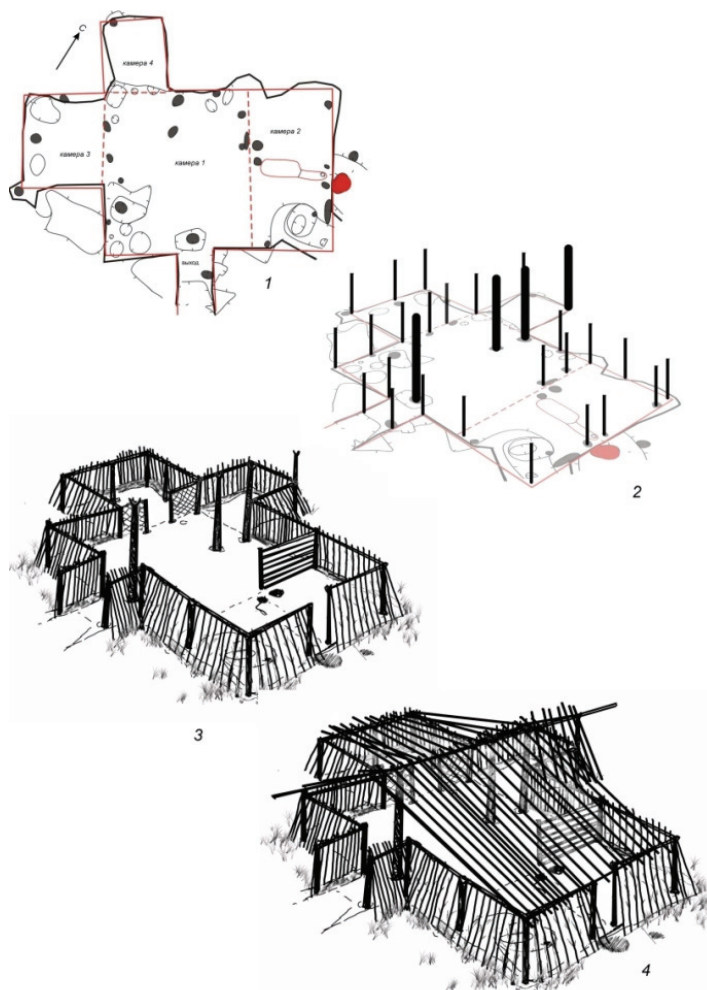

Рис. 3. Этапы графической реконструкции сооружения № 8 поселения Якушкино 3.
Fig. 3. Stages of graphic reconstruction of the dwelling № 8 of the settlement Yakushkino 3.

Основная, центральная (1) камера подквадратных очертаний, размером 5×5 м, площадью 25 м². Пол относительно ровный, очага нет¹. Относительно небольшая глубина котлована может объясняться выборкой дерна на месте будущей постройки. Судя по наличию и характеру распределения небольших ямок по периметру этой камеры, все строение было каркасным, причем вертикальные столбы выполняли функцию подпорок для балок кровли и составляли часть рамочных конструкций стен, что свидетельствует в пользу версии о сезонном использовании жилища.

Помещение (камера) 2, размерами 5×2,5 м, площадью 12,5 м², расположенное справа от входа, было отгорожено от центральной камеры, перегородка выполнена в технике заплота.² Уровень пола здесь выше, чем в основной камере, на 5–10 см. Камера 2 разделена канавкой²

¹ Несмотря на то что при раскопках остатков сооружения № 8 отмечен участок коричневой (предположительно прокаленной) супеси размером 0,75×1,35 м (кв. Д-Г/1–12), планиграфически расположенный в центре котлована постройки, он фиксировался на уровне 2–4-го горизонтов (нивелировочные отметки -86...-91 см) и к 4-му горизонту сократился в диаметре до 0,4 м, что примерно на 15 см выше уровня материка. Отсутствие следов прокала в материке и каких-либо остатков очажной конструкции дают основание полагать, что этот прокаленный участок не связан с постройкой и относится к более позднему времени (возможно, новое — новейшее).

² Интересно примыкающее к стенке камеры пятно желтой плотной супеси диаметром 0,55 м (кв. А/13). Не исключено, что здесь на (предположительно) «глиняном» поддоне-жаровне разводили костер для приготовления пищи.

на два неравных по площади отсека. Северный (большой) отсек, судя по наличию развалов на уровне материка и большого количества фрагментов керамики, выполнял, скорее всего, функцию кухни, обеденной зоны. В ЮВ углу южного отсека выбрано углубление размерами по верху 1×0,8 м с неопределенным функциональным назначением. Не исключена возможность использования его в качестве холодильника.

Помещение (камера) 3, размером 2,7×2,5 м, площадью 6,75 м², расположено слева от входа. От центральной камеры также было отгорожено легкой перегородкой. Уровень пола на 3–5 см выше, чем в центральной камере. Очага нет. Могло использоваться как отдельное спальное помещение для семейной ячейки либо как подсобное хозяйственное помещение. Конструкция стен, скорее всего, каркасная

Помещение (камера) 4, размером 2×1,75, площадью 3,5 м², примыкает к СЗ стенке центральной камеры со смещением влево. Уровень пола значительно выше по отношению к основному помещению (на 20 см), очага нет. Также могло использоваться как отдельное спальное либо как подсобное хозяйственное помещение. Конструкция стен не просматривается.

Коридор (5) 1,2×2 м отходит от середины ЮВ стенки основной камеры (1). Направлен в сторону водоема, на ЮВ.

Для создания графической реконструкции приняты во внимание: глубины котлованов секторов; система расположения и глубина ям, наиболее соответствующих понятию «яма от столба», учтены опыт предыдущих графических реконструкций и новые данные из литературных источников. Проведена предварительная графическая фильтрация и корректировка изображения жилища.

Судя по подпрямоугольным очертаниям камер, канавкам на уровне пола, интенсивности цветовой дифференциации супеси заполнения вдоль границ котлована, системе расположения ямок от столбов (рис. 2, 1), основу постройки составляла каркасно-столбовая конструкция. Остатков конструкции стен камеры 4 не прослеживаются; возможно, они были составлены из плетеных щитов либо стены возведены путем приставления к верхней балке рамы наклонно жердей (полубревен), нижним концом упирающихся в дерн снаружи котлована, в связи с чем не осталось явных следов от конструкций стен на материке внутри котлована. Не исключено комбинирование нескольких способов сооружения стен.

Кровля, наиболее вероятно, могла быть двухскатная. Коньковая балка опиралась на 3–4 опоры по центральной оси жилища. Кровля, скорее всего, была составлена из легких материалов: тростника и жердей (рис. 3, 4; 4).

Рис. 4. Предполагаемый внешний облик сооружения № 8 на поселении Якушкино 3.
Fig. 4. The estimated appearance of the dwelling № 8 on the settlement of Yakushkino 3.

Обсуждение результатов

Остатки сооружений кашинской культуры имеют довольно типичный облик, характерный для построек раннего железного века лесостепного Зауралья — постройки четырехугольной

Опыт графической реконструкции жилища кашинской культуры раннего железного века

формы (глубина котлована в сооружениях варьируется от 0,2 до 0,7 м), с длинным выходом, многокамерные полуземлянки с разнофункциональными помещениями. В зависимости от функционального назначения в жилищах может присутствовать очаг (часто приподнятый, с канавками рядом) или более длинный коридор [Викторова, Кернер, 1988, с. 132–133; Матвеева, 1994, с. 140; Потемкина, Чикунова, 2001; Чикунова, 2009].

На фоне единообразия построек раннего железного века жилища кашинской культуры характеризует общая конструктивная деталь, отличающая эти постройки от саргатских или гороховских. Это дополнительные камеры (хозяйственные или спальные помещения), пристроенные к основному помещению без сооружения дополнительного коридора. Очень хорошо эта технологическая особенность просматривается на примере жилища № 4 Муллашинского 7 селища [Чикунова, 2009, с. 91, рис. 2], подобные пристройки есть на Кашинском селище и Юдинском городище (нижний слой) [Викторова, Кернер, 1988, с. 133, рис. 4].

В целом жилище с поселения Якушкино 3 по своим основным параметрам имеет определенное сходство с жилищами, в материалах которых присутствовала в разных пропорциях керамика кашинской культуры. Наибольшее сходство постройка (основная камера) обнаруживает с жилищем поселения Белый Яр XII. Это жилище имело форму прямоугольника размером 8×6 м, вертикальные стенки. На полу вдоль стенок большей его части фиксировались темные углистые полосы шириной 15–18 см. На торцевых южной и северной сторонах отмечены пристроенные ниши шириной 0,8–1,2 м. От СВ угла, с нечеткими контурами, отходил коридор шириной 0,9–1,0 м, от восточной стенки с небольшим отклонением к северу — выход-коридор шириной 0,8–1,2 м, длиной 6,5 м, с обеих сторон заканчивавшийся ямками овальной формы размером 0,4×1,0 м. По длинной оси ямки были направлены перпендикулярно выходу. Вероятно, они служили для укрепления косяков и пазов двустворчатых раздвижных дверей. Выход был направлен в сторону реки. Общая площадь жилища около 41 м². В пределах его фиксировалось восемь ямок от столбов, полуовальных или конических в разрезе, диаметром 12–16 см, глубиной от 12 до 32 см. Следов очага в жилище не обнаружено, что свидетельствует в пользу предположения о его сезонном характере. Стенки, вероятно, были укреплены горизонтально уложенными бревнами, которые поддерживались вертикально врытыми столбиками. В заполнении жилища на различной глубине по углам и у стенок встречались темные углистые полосы шириной 8–10 см, направленные в основном к его центру. Скорее всего, это остатки рухнувшей в результате пожара кровли. Судя по направлению углистых полос, жерди кровли лежали одним концом на стенках землянки, а другим — на какой-то опоре в центре. Опорой могла служить перегородка, свидетельством которой является канавка с темным заполнением, идущая почти по центру жилища. По всей вероятности, крыша была двускатной. Скорее всего, жилище поселения Белый Яр XII погибло во время пожара [Потемкина, Чикунова, 2001].

К сожалению, отсутствие костей животных в культурном слое поселения Якушкино 3 не позволяет охарактеризовать хозяйство проживавшего здесь населения. В целом хозяйственный уклад кашинских коллективов описывается как комплексный, многоотраслевой, сочетающий производящие и присваивающие отрасли, домашние промыслы [Матвеева, 1994, с. 140]. Выводы преимущественно основываются на представлении о тесном взаимодействии кашинских и саргатских племен; хозяйство последних изучено достаточно хорошо [Чикунова, 2006].

Изменение в раннем железном веке хозяйственно-культурного типа, обусловленное внедрением подвижных форм скотоводства и элементов кочевого быта, способствовало развитию и дополнению западносибирской домостроительной традиции новыми чертами [Матвеева и др., 2005, с. 100–101]. «Из-за специфики ведения хозяйства у населения существовали различные по функциям и времени использования постройки: сезонные (летние) и постоянные» [Там же, с. 104]. С точки зрения же П.А. Косинцева, и в раннем железном веке у населения лесостепной зоны кочевое скотоводство отсутствовало. «В большей степени, вероятно, был развит придомно-отгонный тип. Большая часть мелкого рогатого скота и лошадей и часть крупного рогатого скота в теплое время года выпасалась вдали от поселения. Однако на основании состава костных остатков сейчас невозможно однозначно определить тип поселения — постоянное или сезонное» [Косинцев, 2003].

В то же время у населения, проживающего в зоне тайги и смешанных хвойно-лиственных лесов, возникновение разных типов поселений (зимних и летне-осенних) было напрямую связано с основными хозяйственными занятиями — охотой и рыболовством. «Хозяйство лесных народов было органично связано с сезонными промыслами и специализацией отдельных семей и

групп» [Черных, 2010, с. 7]. Сезонные жилища могли быть легкими, наземными, «строившимися из подручных средств — жердей, веток, коры, дерна» [Там же].

Народы Сибири в этнографическое время сооружали в основном однокамерные жилища [Соколова, 1998, с. 177]. Постоянные зимние поселения в сочетании с летними или сезонными и временными присущи полуоседлым рыбакам, охотникам и скотоводам [Там же, с. 9].

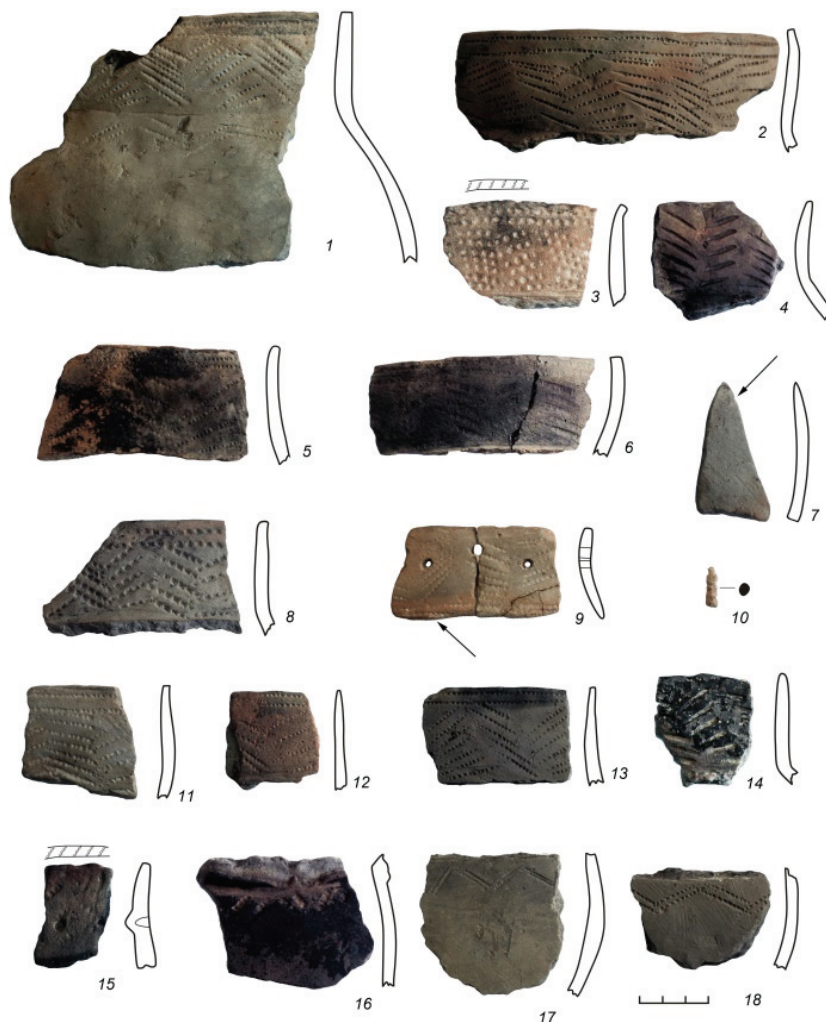

Рис. 5. Находки из заполнения котлована жилища № 8 на поселении Якушкино 3: 1–9, 11–18 — керамика; 7, 9 — скребки на фрагментах сосудов; 10 — обломок стержня из железа.
Fig. 5. Findings from the filling of the pit of dwelling № 8 on the settlement of Yakushkino 3: 1–9, 11–18 — ceramics; 7, 9 — scrapers on fragments of vessels; 10 — fragment of a rod made of iron.

Отсутствие очага и легкость конструкции постройки поселения Якушкино 3 позволяют предположить, что жилище использовалось в весенне-осенний период. Схожая постройка без очага была исследована на поселении Белый Яр XII [Потемкина, Чикунова, 2001]. У хантов сезонные (летние) постройки не отапливались. Для приготовления пищи костер разводился вне дома [Соколова, 1998, с. 40].

В отличие от других поселений кашинской культуры, в постройках, исследованных на поселении Якушкино 3, отсутствует керамика других культур раннего железного века Зауралья. Коллекция керамики сильно фрагментирована, в основном представлена неорнаментированными стенками сосудов, по венчикам выделяется около 50 крупных емкостей, найдены и фрагменты одной маленькой чашечки. Фрагменты шеек свидетельствуют о типичном для посуды кашинской культуры облике сосудов. Характерной чертой керамики кашинского типа является «бордюрный» орнамент, который komponуется из 2–4 горизонтальных линий отрисков гребенчатого

Опыт графической реконструкции жилища кашинской культуры раннего железного века

или гладкого штампа либо шнура с заключенными между ними различными мотивами: много-рядовым зигзагом, «столбиками», наклонными оттисками гребенчатого или шнурового штампа. В керамическом комплексе поселения Якушкино 3 присутствуют емкости, в тесте которых встречены обильные включения бурого железняка. В коллекции есть сосуды, срез венчика которых орнаментирован наколами или оттисками «гребенки». Отсутствуют сосуды, на которых украшалась переходная зона к плечу, узор покрывает преимущественно шейку, изредка плечико. Узоры на керамику нанесены только с помощью гребенчатого штампа, доминирует много-рядный горизонтальный зигзаг (рис. 5).

Ввиду отсутствия инокультурной керамики можно однозначно определить принадлежность данной постройки кашинской культуре. Кроме того, в коллекции отсутствуют сосуды, украшенные шнуровыми узорами (прыговский тип), что позволяет отнести эти постройки к начальному этапу кашинской культуры, возможно IV–III вв. до н.э. Так, по мнению Н.П. Матвеевой, появление «шнуровых узоров прыговского типа» — позднего варианта кашинской орнаментики относится к III в до н.э.: керамика прыговского типа, в совокупности с саргатской и кашинской, приурочена к поздним сооружениям III в. до н.э. на Рафайловском городище, обнаружена в кургане Лисья Гора, датируемом IV–III вв. до н.э. [1994, с. 140]. А.А. Ковригин и С.В. Шарاپова датируют прыговские материалы не ранее II в. до н.э. [1998, с. 70].

Заключение

Таким образом, постройки № 7 и 8 на поселении Якушкино 3 являются единственными однослойными среди всех атрибутированных как кашинские, в этих постройках материалы кашинской культуры представлены в «чистом» виде. На всех остальных памятниках кашинские материалы присутствуют в качестве примеси к основному комплексу, как правило, саргатскому или гороховскому. Кроме того, это единственный памятник, на котором обнаружена только посуда, украшенная гребенчатым штампом, сосудов со шнуровыми узорами не найдено.

Чистота керамической коллекции также предполагает некоторую изолированность данной кашинской общины в период IV–III вв. до н.э. на рассматриваемой территории.

Отсутствие костных остатков в культурном слое памятника не позволяет охарактеризовать хозяйственный уклад оставившего его населения. Учитывая, что поселение насчитывает остатки 20 построек, из которых исследовано пока только две, судить о характере поселения (сезонное, постоянное, кратковременно функционировавшее) затруднительно. Можно лишь высказать предположение, что исследованные постройки могли использоваться в теплое время года.

В целом особенности исследованных сооружений на поселении Якушкино 3 соответствуют домостроительным традициям раннего железного века и в то же время отражают специфику домостроительства кашинской культуры.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400147-2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Васильев В.Г.* Экспериментальное моделирование археологических жилищ: По материалам памятников неолита — бронзы таежной зоны Среднего Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2000. 20 с.
- Викторова В.Д.* Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969 // АКА УрГУ. Ф. III. д. 89.
- Викторова В.Д., Кернер В.Ф.* Памятники эпохи железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 129–141.
- Генинг В.Ф., Позднякова М.К.* Прыговское городище на р. Исети // ВАУрала. 1964. Вып. 6. С. 34–63.
- Ковригин А.А., Шарাপова С.В.* Проблемы изучения древностей кашинского и прыговского типов // Урал в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1998. Ч. I. С. 67–73.
- Корякова Л.Н.* Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Препринт. Екатеринбург: Изд-во УрО АН: УрГУ, 1991. 53 с.
- Косинцев П.А.* Типология археозоологических комплексов и модель животноводства у древнего поселения юга Западной Сибири // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М.: Языки слав. культуры, 2003. С. 157–174.
- Матвеева Н.П.* К вопросу об этнической интерпретации памятников кашинского типа // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, ТГУ, 1990. С. 187–188.
- Матвеева Н.П.* Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.
- Матвеева Н.П.* Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири: (Проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). Новосибирск, 2005. 228 с.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. Т. 1. Кн. 1: Поселения и жилища. 485 с.

Пантелеева С.Е. Исследование распределения керамики в слое Павлинова городища // Экология древних и современных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. С. 156–159.

Потемкина Т.М., Чикунова И.Ю. Поселение раннего железного века Белый Яр XII // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2001. № 3. С. 150–153.

Соколова З.П. Жилище народов Сибири: (Опыт типологии). М.: ТриЛ, 1998. 288 с.

Черных Е.М. У истоков уральского домостроительства: Древние и средневековые жилища Прикамья. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2010. 160 с.

Чикунова И.Ю. Итоги и проблемы изучения кашинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 6. С. 82–91.

Чикунова И.Ю. Хозяйство и быт населения саргатской культуры Приоболья: К реконструкции хозяйственно-культурного типа: Дис. ...канд. ист. наук, Тюмень, 2006 // Архив ИПОС ТюмНЦ СО РАН.

Шарапова С.В. Традиции изготовления керамики и орнаментальные стили населения Зауралья в раннем железном веке // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4. С. 123–134.

O.Yu. Zimina, I.Yu. Chikunova

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: o_winter@mail.ru;
chikki@mail.ru

GRAPHIC RECONSTRUCTION OF A KASHINO DWELLING DATING BACK TO THE EARLY IRON AGE

The article presents the results of archaeological studies carried out at the Yakushkino 3 settlement attributed to the Kashino culture of the Early Iron Age (subtaiga Tobol area, Western Siberia). The settlement was preliminary dated at the 4th–3rd centuries BC. In this work, the authors set out to study the house-building tradition of the Kashino culture using the Yakushkino 3 settlement as an example, create its graphic visualisation; identify certain characteristics of the structure defining the nature of the settlement — seasonal use or place of permanent residence, which indicate the adaptation strategies of the population. In 2016–2017, two structures connected by a passage were studied at the settlement. The former is interpreted as a residential structure, whereas the latter is thought to have been used for utility purposes. The multi-chamber residential structure (ca 48 m²) was chosen for the reconstruction. To this end, the authors employed the method of theoretical reconstructions. Drawing on the planigraphy and stratigraphy of the excavation site, the main elements (foundation pit boundaries, pits, ditches, etc.) of the structure were identified. The authors defined the layout of the structure on the basis of the characteristic arrangement of structural elements; identified techniques used in the construction of walls and roofs; determined the possible use of certain building materials; as well as suggested interior variants. Finally, a graphic image of the structure was created. As a result of the study, the following assumptions were made. The structure consisted of 4 near-square rooms: the main central chamber (1) — 25 m²; chamber 2 — 12.5 m²; chamber 3 — 6.75 m²; chamber 4 — 3.5 m². The second chamber was divided into two unequal parts, with ceramics being concentrated in its larger part, which could serve as a kitchen or a dining area. Chambers 3 and 4 could be used as bedrooms or as utility rooms. There was no hearth in the structure. The structure had a frame, with vertical posts providing support for the roof beams and being part of the frame-wall construction. The walls could be constructed of wicker boards or erected by leaning poles against the upper beam of the frame. The roof could be gable, covered with reeds and poles. Against the background of uniform buildings of the Early Iron Age, Kashino dwellings are characterised by one common structural detail that was traced in the layout of the dwelling from the Yakushkino 3 settlement — additional chambers (utility or sleeping rooms) attached to the main room without an additional corridor. This fact distinguishes these buildings from the dwellings of the Sargatka or Gorokhovo cultures of the Early Iron Age (Western Siberia). The absence of a hearth and the lightness of the construction suggests that the dwelling from the Yakushkino 3 settlement was used in the spring-autumn period.

Key words: Western Siberia, Trans-Urals, Early Iron Age, Kashino culture, settlement, Yakushkino 3, house-building.

Funding. The article is written within the framework of the State Project No. AAAA-A17-117050400147-2.

REFERENCES

Chernykh E.M. (2010). *At the origins of the Ural housing construction: ancient and medieval dwellings of the Kama region*. Izhevsk: Udmurtskii universitet (Rus.).

Опыт графической реконструкции жилища кашинской культуры раннего железного века

- Chikunova I.Yu. (2006). Results and problems in investigating Kashino culture. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (6), 82–91 (Rus.).
- Gening V.F., Pozdniakova M.K. (1964). Prygovskoe settlement on the river Iset. *Voprosy arheologii Urala*, (6), 34–63. (Rus.).
- Koriakova L.N. (1991). *Cultural and historical communities of the Urals and Western Siberia (Tobol-Irtys province at the beginning of the Iron Age)*. Ekaterinburg: Izd-vo UrO AN: Ural. un-t. (Rus.).
- Kosintsev P.A. (2003). A typology of archaeozoological complexes and a model of animal husbandry in an ancient settlement in the South of Western Siberia. In: *Noveishie arkheozoologicheskie issledovaniia v Rossii: K stoletiiu so dnia rozhdeniia V.I. Tsalkina* (pp. 157–174). Moscow: lazyki slav. kul'tury. (Rus.).
- Kovrigin A.A., Sharapova S.V. (1998). Problems of studying the antiquities of the Kashinj and Prygovj types. In: *Ural v proshlom i nastoiashchem* (pp. 67–73). Ekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).
- Lukina N.V. (Ed.) (1994). *Essays on the cultural genesis of the peoples of Western Siberia, 1. Book 1: Settlements and dwellings*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta. (Rus.).
- Matveeva N.P. (1990). To the question of the ethnic interpretation of the Kashinj type monuments. In: *Problemy istoricheskoi interpretatsii arkheologicheskikh i etnograficheskikh istochnikov Zapadnoi Sibiri* (pp. 187–188). Tomsk: TGU. (Rus.).
- Matveeva N.P. (1993). *Sargatka culture on Middle Tobol*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva N.P. (1994). *The Early Iron Age of Ishim river region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Matveeva N.P., Larina N.S., Berlina S.V., Chikunova I.Yu. (2005). *A comprehensive study of the living conditions of the ancient population of Western Siberia: (Problems of socio-cultural adaptation in the Early Iron Age)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Panteleeva S.E. (2003). Study of the distribution of ceramics in the layer of Pavlinovo ancient settlement. In: *Ekologiya drevnikh i sovremennykh obshchestv* (pp. 156–159). Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN. (Rus.).
- Potemkina T.M., Chikunova I.Yu. (2001). Early Iron Age Settlement Bely Yar XII. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 150–153. (Rus.).
- Sharapova S.V. (2004). Traditions of ceramics manufacturing and ornamental styles of the Trans-Urals population in the Early Iron Age. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, (4), 123–134. (Rus.).
- Sokolova Z.P. (1998). *Dwelling of the peoples of Siberia: (Typology experience)*. Moscow: TriL. (Rus.).
- Viktorova V.D., Kerner V.F. (1988). Monuments of the Iron Age at Lake Osinovoye. In: *Material'naiia kul'tura drevnego naseleniia Urala i Zapadnoi Sibiri* (pp. 129–141). Sverdlovsk: Ural. gos. un-t. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 16.09.2019

Accepted: 30.09.2019

Article is published: 30.12.2019